

Вовка давно проснулся. Он лежал с широко раскрытыми глазами и бесцельно рассматривал на стене переплетение теней, образованных росшим за окном диким виноградом. За этим окном с вылинявшей занавеской уже вовсю бурлила неугомонная деревенская жизнь. Неожиданно звонко ударились о деревянный сруб колодца металлическое ведро. Надрывно затарахтел старенький мотоцикл, со станции донёсся пронзительный свист тепловозного гудка, закудахтали перепуганные куры. Но в Вовкиной голове эти звуки сложились в совершенно неожиданную картину. Привычные деревенские обитатели перемешались с героями мультсериалов, кинобоевиков и совершенно непостижимыми существами. Терминатор с непроницаемой рожой сотрясал коваными ботинками тихую деревенскую улочку, наводя ужас на кур и прочих пернатых. С отвратительным скрежетом, переворачивая вёдра, тазы и другую дворовую утварь, гонялся за бабушкой ужасный трансформер. Где-то над крышей мелькнул “Чёрный плащ”. Из чердачного проёма выглянуло... Но что выглянуло из проёма Вовка не увидел. Под самым окном (ему показалось, под самым ухом) раздался резкий противный звук, напоминающий одновременно скрип ржавых ворот и вой Пирата на луну. Но в его воображении и этому звуку места не нашлось.

– Вот, пробурчал он недовольно, – кукарекнуть даже по-человечески не может. У всех петухи, как петухи, а этот... – Вовка небрежно махнул рукой в сторону приоткрытого окошка, – телега несмазанная.

Последние слова прозвучали в пустой комнате неожиданно громко. Надо сказать, что отношения у него с петухом были, мягко говоря, натянутые. Это наглое создание стремилось в любой ситуации продемонстрировать ему, кто здесь, в деревне, хозяин. Вот и сегодня, благодаря именно его милости, вместо того, чтобы спать, как положено детям в каникулы до десяти

часов, он с рассвета вынужден рассматривать потолок. Причём, где бы Вовка ни расположился на ночлег и как бы не запутывал свои следы, эта скотина начинала горланить на рассвете своим противным голосом, именно под его окном. Справедливости ради надо сказать, что и Вовка в долгу не оставался.

Однажды в пыльном, чердачном закоулке он раскопал странную вещь: металлический баллончик с приспособленной сверху конусообразной алюминиевой трубкой (дядя Миша объяснил потом, что это был кислотный огнетушитель). Как он попал на чердак и сколько времени там пролежал толком уже припомнить никто не мог. С замиранием сердца Вовка осторожно повернул вентиль. В следующие мгновение чердак наполнился пронзительным, резким шипением, переходящим в свист. Потревоженная вековая чердачная пыль окутала его плотным едким покрывалом. Что-то очень неприятное щекотало горло и бесцеремонно лезло в нос. Нельзя сказать, что последующие Вовкины действия были осмыслены, нет он уже намеревался “делать ноги”, оставив этот клокочущий гейзер на произвол судьбы, но его рука, непроизвольно и неожиданно для своего хозяина, вернула вентиль в первоначальное положение. Мгновенно наступившая тишина показалась Вовке великим благом. Но вместе с тишиной его вдруг посетила коварная мысль.

Спустившись с чердака, он с самым беспечным видом зашёл за изгородь курятника. У петуха от подобной наглости непроизвольно раскрылся клюв. Где-где, а на своей кровной территории в присутствии кур и соседской кошки Маринки, он ему спуска не даст. Между тем что-то сильно беспокоило хозяина курятника: уж больно невинный и беспечный вид был у его противника. Петя насторожился, слава Богу, не цыпленок какой-нибудь, чтобы попасться на хитроумные Вовкины уловки. На всякий случай он осторожно начал производить замысловатые маневры. Сперва он бегал кругами, пытаясь обратить на себя внимание противника. Его не замечали. Затем действия его стали более решительными. Разогнавшись, петух пронёсся всего в полуметре от синих Вовкиных в заклёпках штанов. Именно эти блестящие кнопочки сильнее всего раздражали его петушиное самолюбие, но его продолжали упорно не замечать. Сердце в пернатой груди радостно забило, этот «придурок» опять притащил какую-то железяку и теперь, кроме неё, ничего не видит. Ну, точно, петух посмотрел на Вовку со стороны забора, именно такую железяку он сегодня видел на мусорной свалке. Сил терпеть больше не было, хотелось всласть надавать этому зада-

ваке по голове. От предчувствия скорой и лёгкой победы у него самого закружилась голова. Роскошный гребень побагровел, глаза из жёлтых превратились в оранжевые. Уже плохо соображая, гонимый диким инстинктом, ослеплённый ярким блеском никелированных заклепок, петух выпущенной стрелой понёсся на синие штаны. Еще доля мгновения и он вцепится... куда? Не сомневайтесь, он давно «пристрелял» место, куда надо вцепиться. Но вдруг всё исчезло, глаза, горло, уши, раскрытый клюв неожиданно залепило чем-то белым, вязким и мерзким. Моментаً отключённый от окружающего мира, Петя продолжал куда-то плавно лететь. Земля ушла из-под ног, ни яркий солнечный свет, ни тревожный гомон подопечного курятника не могли отвлечь его от этого странного движения в неизвестности. Наконец, нечто твёрдое преградило ему дорогу, затем что-то не менее твёрдое стало сыпаться ему на голову. Нет, он не ощущал боли, это было скорее чувство безумного страха. Попятившись назад, петух влетел в корыто с водой, вынырнув, он к великой радости обнаружил, что зрение и слух вернулись к нему. С кошмарным ужасом в глазах и с неестественным, клокощущим рычанием он понёсся вглубь курятника, внося переполох в куриное царство и до смерти перепугав кошку Маринку.

Бабушка долго недоумевала, найдя мокрого, дрожащего от страха, Петю на задворке курятника под старыми ящиками. Вовка, паразит, напугал, поди, – догадалась она. Однако фактов, избличающих внука, в её распоряжении не было.

Но Вовка глубоко заблуждался, думая, что Петя забудет нанесённое оскорбление. У бабушки среди домашних обитателей была, насажена, можно сказать, железная дисциплина. Куры, к примеру, без труда могли перелететь через ограждение курятника, и, надо сказать, часто перелетали, но только в сторону огорода. Перелететь из курятника во двор, подобная дерзость даже не могла прийти им в голову. Из одного куриного поколения к другому этот запрет передавался, наверное, генетически. Любой обитатель бабушкиного хозяйства чётко знал своё место и строго подчинялся неписаным законам. Правда, были и такие, которые считали себя слишком умными и, вообще, бабушку ни во что не ставили, но за это они сидели на цепи.

Как в доме, так и во дворе Вовка чувствовал себя вполне беззаботно, другими словами, он утрачивал бдительность. Както, позавтракав, он уселся на крыльчке. Утреннее солнышко слегка пригрело крашенные доски, и было приятно подставлять щёки под его нежные прикосновения. Вовка прищурил глаза.

Проникая через густые ресницы, лучики рассыпались бисером разноцветных изумрудин.

– Как в калейдоскопе, – удивился Вовка. Но вдруг стало темно, кто-то сначала заслонил солнце мощным размахом крыльев, а потом больно стукнул по голове. Вовке показалось, что с крыши на него упал огромный снежный ком, но он почему-то не рассыпался на мелкие снежинки, а продолжая прыгать, словно резиновый мячик, больно щипая его за разные места. Вовка зарорал, мячик попрыгал к забору. Выбежавшая на крик бабушка, заметила только улепётывающего петуха.

– Вот паразит, – посетовала она, – и как только через ограду пролез. А ты тоже хорош! – набросилась она на внука, – сколько раз предупреждала: не задирай петуха, добром это не кончится.

Вовка не возражал, но коварных замыслов мести при этом не оставил. Случай отомстить подвернулся неожиданно.

Пират – большой, добрый и в чем-то бестолковый пес, сорвался с цепи. Надо сказать, что Вовкины антипатии по отношению к петуху Пират разделял полностью. Воспользовавшись свалившейся свободой, он радостно бегал по двору с обрывком цепи на шее. Уже давно были проверены на предмет съедобности все ёмкости, перевернуты вёдра, лавки, во дворе царил, дорогой сердцу Пирата, беспорядок. Вовка, первым делом, решил вернуть беглеца на своё законное собачье место. Но вдруг его осенила иная мысль. Подойдя к калитке, которая вела в курятник, он осторожно открыл засов. Дополнительных указаний давать Пирату было не надо. Уже через несколько минут бабушка вытаскивала за обрывок цепи из курятника довольного пса. В его пасти красовалась добрая половина роскошного петушиного хвоста, на носу белела яичная скорлупа. Не обращая внимания на брань и даже пинки со стороны хозяйки, он торжественно шествовал с видом гладиатора, одержавшего победу в поединке со львом. Изрядно общипанный Петя каким-то чудом оказался на крыше сарая. От него потребовались поистине орлиные усилия, чтобы забраться туда.

“Бом-бом-бом”. Бой старинных настенных часов отвлёк Вовку от воспоминаний. Он насчитал восемь ударов. Конечно, вставать было ещё рано, но и валяться в постели тоже не имело смысла. Выполнив обязательные и не очень приятные утренние процедуры, в которые входило: одевание, умывание, чистка зубов и завтрак, Вовка, наконец, был предоставлен самому себе. Сидя на лавочке перед окошками дома, он мучительно придумывал себе занятие.

– Пойти рвануть карбид? – у него был припрятан кусочек, – но какой интерес рвать одному? Для этого дела надо, наоборот, толпу побольше собрать.

Ни умные, ни глупые, вообще никакие мысли не лезли в это утро в Вовкину голову.

– Всё из-за него, – ворчал он, мотая ногами, – надо же было разбудить ни свет ни заря. Между тем петух уже давно прохаживался всего в нескольких метрах за сетчатым забором курятника. Он подчёркнуто важно и независимо занимался своими петушиными делами, демонстрируя свою безграничную власть и непререкаемый авторитет в вверенном ему курином царстве. Раскопав что-то своей жёлтой ногой в навозной куче, он долго рассматривал это «что-то», неестественно выгибая длинную шею, затем негромко и часто закудахтал. Куры как ненормальные подорвались с мест на зов своего хозяина. Вытянув параллельно земле шею, они мчались наперегонки со стремительностью крылатых ракет. Первая подлетевшая курица проглотила приготовленное Петей лакомство за долю секунды. Остальная подоспевшая куриная толпа заискивающе заглядывала в жёлтые петушиные глаза. Но к удивлению Вовки, этот нахал даже не испытывал чувства вины. Для него было вполне естественным – собрать пол-курятника из-за какой-то козявки.

– Заботливый ты наш, – прошептал Вовка.

Он вспомнил: когда гостил у бабушки на зимних каникулах, какая-то необходимость завела его в курятник. Зимой куры на улицу не ходили, и, наверное, чтобы им было не так скучно коротать долгие зимние вечера, дядя Миша повесил в курятнике две большие электрические лампочки – “пятисотватки” – называла их бабушка. Так вот, возле одной из этих ламп творилось что-то невообразимое. Куры, словно мотыльки, лезли к электрическому свету. В ход шли всякие дозволенные и недозволенные приёмы: они клевались, толкались, лезли друг другу на спины. А одна курица, очевидно, самая сообразительная, в который раз тщетно прыгала с высоких насестов, пытаясь уцепиться лапами за чёрный электрический патрон. Целью этой суматохи было желание пернатых погреть в теплых электрических лучах свои гребешки. Но поразило Вовку то, что возле второй лампы была тишь и благодать. В гордом одиночестве грел возле неё свой роскошный гребень Петя. Его нисколько не задевала суматоха, творившаяся рядом. Он сосредоточенно думал свои петушиные мысли, не забывая, однако, попеременно подставлять, то одну, то другую сторону своего головного украшения под поток тёплых излучений.

– Что же ты, скотина, тогда о курах не заботился, – бросил Вовка упрёк куриному авторитету. Авторитет окинул Вовку презрительным взглядом и, не сводя с противника глаз, снова часто закудахтал. В этот раз он даже не затруднил себя поисками червяка. Эти дуры, как по команде, вновь побежали наперегонки.

– Ах ты, гад!!! – не выдержал Вовка, – над курами издеваться!

Он схватил попавшееся под руку зелёное яблоко и с силой запустил им в сторону курятника. Яблоко застряло в ячейках сетки, наверное, метрах в двух от петуха, опасности для него не было никакой. Но что здесь началось. С кудахтаньем, нет, даже не с кудахтаньем, а с душераздирающим ревом, бросился Петя навстречу приближающимся курам. Те, завидев бегущего и орущего своего “кормильца”, естественно, попытались затормозить. Логика их куриного мышления подсказывала, что им, скорее всего, надо бежать в одну сторону с петухом. Получилась куриная “куча-мала”. Вторые налетели на первых, третьи на вторых, в то время как первые развернулись, начали движение навстречу третьим. Естественно, что в этой ситуации освободить проход для движения петуха они не смогли. Пете пришлось бежать прямо по спинам своих подопечных. Прибавьте к этой картине дикий вой тридцати куриных глоток, и вы поймёте, каким коварным и хитрым был Вовкин противник.

– Вовка, паразит! – услышал он приближающийся голос. Однако окончание монолога Вовка решил не дослушивать, а легко перемахнув через изгородь, скрылся в густых зарослях заросшего сада.

В этот раз он решил разобраться с обидчиком по-настоящему. Посмотрев передачу «В мире животных», где индейцы использовали для охоты духовые ружья из бамбуковых палок, он решил перенять многовековой охотничий опыт. В дело пошли старые лыжные палки, кусочки паралона, смола, короче, индейцы наверняка бы позавидовали Вовкиному мастерству. И место у него давно было примечено. Малинник рос в бабушкином огороде дикой порослью, как облезлый дворовый кот, до которого никому нет дела. Самой заросшей и непролазной частью он вплотную примыкал к изгороди курятника. Вовка предусмотрительно оборудовал в зарослях укромное убежище. Отсюда можно было безопасно обстреливать противника хоть весь день. И если бабушка и заметит что-то неладное, то в жизни не найдёт в этих дремучих кустах своего любимого внука. Выждав довольно длительную паузу, Вовка решил действовать. Зарядив

«ружье», он осторожно просунул ствол в ячейку металлической сетки. Но странное дело: петуха нигде не было.

– Наверное, под навесом улегся, – подумал Вовка.

Он приподнялся над изгородью, чтобы лучше обозреть курятник, но в этот момент что-то неожиданно сильно ударило ему по голове и, не дав опомниться, стало мгновенно долбить в затылок. Вовка заорал, он орал во всю мощь своих лёгких, нет, ему не было больно, боль пришла позже, он орал от страха. Вертясь на месте волчком, он не видел никого вокруг себя. Он ощущал монотонные удары, как бой старинных часов, только внутри собственной головы.

– Глаза! Глаза! Глаза закрой! – услышал он совсем рядом бабушкин голос.

Подчиняясь команде, он крепко прижал ладони к глазам, в ту же секунду всё затихло. Вовка стоял посреди малинника, боясь оторвать от лица ладони. Ему казалось, что стоит только опустить руки, как в голове опять начнётся противный бой. Между зажатых пальцев начали просачиваться слёзы. На помощь пришла бабушка, прижав к себе внука, она с кем-то ругалась, грозя при этом хворостиной. Наконец Вовка решил взглянуть на обидчика. Сквозь слёзы он увидел расплывшуюся петушину фигуру.

– Вот паразит какой, – не унималась бабушка. «Паразит» – было её любимое ругательство, и, в зависимости от обстоятельств, «паразитом» крестила то петуха, то Вовку, – я тебя хворостиной отхожу – враз забудешь, как на детей бросаться.

Но петуха мало волновали её угрозы, даже хворостина не произвела на него устрашающего действия. Победоносно хлопав крыльями, он хотел было кукарекнуть, но в последний момент передумал, окинув ещё раз презрительным взглядом бабушку с внуком, подчёркнуто медленно отправился в сторону курятника.

Ругать Вовку бабушка не стала, хлюпающего и шмыгающего, она привела его на кухню.

– Будешь весь день сидеть здесь, у меня на глазах, – коротко приказала бабушка.

Вовка безропотно подчинился. У ворот послышалось рычание грузовичка, через минуту в дверном проёме появился дядя Миша.

– Здорово, моряк! Чего такой кислый?

Дядя Миша когда-то давно служил в морской пехоте. На память о службе у него остался синий якорь на руке и неизменная

тельняшка в расстёгнутом вороте рубахи. Вовку он почему-то называл моряком.

– Да уж, моряк с печки бряк, – передразнила его бабушка.

– Чего так? – удивился дядя Миша, присаживаясь к столу.

– Довел-таки петуха, – начала комментировать бабушка, – чуть без глаз не остался.

– Кто довёл? – удивился дядя Миша, – я тебе ещё в прошлом году говорил, не будет с твоего петуха толку, ему уже давно пора в суп.

– Да будетте, – возразила бабушка, – ну задира, не спорю, зато за курами хорошо ходит.

Дядя Миша хмыкнул, обжигаясь борщом, но разговора продолжать не стал. Молча расправившись с борщом, он вдруг вспомнил:

– Вчерась машину «зелёнки» зоотехнику свалили. Так он говорит, что насчет курей никаких проблем не будет. Сколько надо, столько на птичнике и получим.

– Да знаю я тех курей, – отмахнулась бабушка, – одна голова, да ноги, как ходули. Сколько их не корми – всё без толку.

Сидя в углу, Вовка осмысливал взрослый разговор. Почему зоотехник обещал дяде Мише курей за «зелёнку»? И вообще, зачем ему столько этой самой «зелёнки»? Он представил старшего дяди Мишин грузовичок, доверху нагруженный маленькими аптечными бутылочками с зелёнкой и радостно прыгающего во круг грузовичка зоотехника.

– Вовка-а-а-а-а!!! – донёсся с улицы призывный зов, – Вовка-а-а-а-а!!! – зов повторился снова. Это Колька, сидя на заборе, пугал своим голосом дворовых собак. Вовка вопросительно взглянул на бабушку.

– Иди уж, – смягчилась она, – только смотри, увижу возле курятника, отхожу коромыслом, как последнего паразита. И к обеду не опаздывай, – кричала она ему уже вдогонку.

Ни про паразита, ни про коромысло Вовка уже не слышал, он мчался навстречу Кольке, навстречу погожему летнему денёчку, наполненному (в этом Вовка не сомневался) загадочными событиями. И надо сказать, что он не ошибся, потому что первыми Колькиными словами были удивительные, приятные для души слова. Он сам, Колька, пробежал, не останавливаясь полдеревни, чтобы сообщить новость. Он еле стерпел, чтобы не орать об этом прямо с забора. Поэтому, увидев друга, он безо всякого вступления выпалил скороговоркой:

– Маркелыч пошёл сома ловить!

Колхозный сторож Маркелыч был источником переполоха в ребячьей компании. Вообще-то он был не «Маркелыч», а просто – Иван Петрович, но в деревне напрочь забыли его настоящее имя. Мужик он был не злой и, в отличие от своих собратьев по профессии, разрешал пацанам вдоволь рвать колхозные яблоки, чем, впрочем, совершенно отбил у детворы охоту к этому занятию. С мальчишками у него сложились своеобразные отношения. Маркелыч любил «травить байки». Ребята понимали, что им «вешают лапшу», но неизвестно почему, они как заворожённые подставляли Маркелычу каждый вечер свои оттопыренные, обгоревшие на солнце уши.

В историю про сома, живущего в омуте, ребята поверили безоговорочно. И как было не поверить, если добрая половина деревни – старики, дети, мужики и бабы – так или иначе, сталкивались с этим таинственным и загадочным существом. Кто-то видел круги на воде, кто-то – огромный хвост, а кому-то посчастливилось воочию увидеть страшную усатую морду, покрытую древним мхом. Бабы строго следили, чтобы мелкая скотина: там телята, козы разные не появлялись возле омута. В деревне жило стойкое поверье – сом по вечерам сторожит несчастных животных в зарослях тростника. И действительно: нет-нет, да исчезали иногда куда-то бесследно беспечные козлята и барашки. Это было своего рода Лохнесское чудовище деревенского масштаба. Но больше всех повезло Маркелычу (хотя Маркелыч был на этот счёт несколько иного мнения). Как-то раз сом избрал очередной жертвой подвыпившего колхозного сторожа, очевидно, перепутав его с козлом.

– Насилу отбился, – сетовал Маркелыч, – хорошо за кусты успел вцепиться. Утащила бы в омут, сволочь усатая.

Для большей убедительности он заворачивал до колена правую штанину и демонстрировал притихшим слушателям свежий шрам, затянутый розовой глянцевою кожицей.

– Сомина его тянул, – комментировал услышанное Колька, – факт – сомина, а кто же ещё, не карась же?

Вовка послушно кивал, соглашаясь с доводами товарища, ему было стыдно признаться, что с сомом он встречался только в виде балыка. Слушал рассказ колхозного сторожа, и в его воображении всплывали картины недавно увиденного фильма «Челюсти».

Так вот, именно этого сома отправился сегодня отлавливать Маркелыч. Ребята прибежали на берег, когда снасти были заброшены, место подкормлено и соблюдены все приличествующие в подобных случаях рыбацкие ритуалы. Неразговорчивый

и серьезный Маркелыч сосредоточенно вглядывался в чёрную глубину бурлящего омута. Сом, однако, признаков жизни не подавал. Может, у него не было в это утро аппетита, а может, он вообще жил в другом омуте, разве их сомов поймешь? Бесцельное сидение на берегу надоело быстро. Тем более, что безжалостное июльское солнце беспощадно жалило своими лучами выцветшие ребячьи макушки. Нестерпимо хотелось кинуться в живительную прохладу.

– Надо было хоть удочки прихватить, – не выдержал, наконец, Колька. Вовка промолчал.

– На плотине, поди, купаются вовсю, – не успокаивался приятель.

Вовка неопределенно пожал плечами. Ему до смерти хотелось, чтобы Маркелыч поймал сома. Но, если бы точно знать, что он его поймает, то можно здесь просидеть, хоть до ночи. Но перспектива просидеть на берегу весь день, а потом уйти ни с чем, Вовке тоже не улыбалась.

– Да нет здесь никакого сома, – Колькино терпение лопнуло, – айда на плотину!

Вовка не сопротивлялся.

Неглубокая и неширокая речушка, протекавшая в окрестностях деревни, в некоторых местах образовывала обширные заводи. Был ли это плод труда человеческих рук, или заводи были творением природы, никто точно сказать не мог. Между тем в мальчишеской среде место, где речка широко раздвигала берега, подставляя жаркому солнцу свои студёные родниковые воды, называлось «плотиной».

Время завертелось с невероятной быстротой. Вовка давно заметил эту его удивительную способность. Во время урока, например, минуты, были длинные тягучие словно жевательная резинка. Зато во время каникул эти же самые минуты неслись куда-то сломя голову, как ненормальные. Вроде только поднялся с постели и толком ничего сделать не успел, а глядь, солнце уже цепляется своим оранжевым краешком за трубы домов. Как правило, самое интересное дело приходилось откладывать на завтра. В такие дни Вовка рано ложился в кровать и жмурил глаза, пытаясь побыстрее уснуть, но сон, как назло, не спешил. Вот и сейчас, подняв глаза, он с ужасом заметил, что солнца на небе давно нет. Только на западе верхушки деревьев были слегка окрашены алым светом. Надо было что-то придумывать.

Он решил незаметно пробраться в сад, а уже из сада с самым беспечным видом, выйти во двор, мол, заигрался в саду, с

кем не бывает. Не попросившись даже с Колькой, он припустил напрямик через огороды. Все складывалось удачно, позади остался покосившийся забор, примятый утренними событиями малинник. Вот и тропинка, ведущая во двор, здесь можно уже и не прятаться. Только вдруг Вовка неожиданно упёрся в стену. Стена была невидимой, но он чувствовал её всем своим существом. Вовка увидел петуха. За время его отсутствия с Петей произошли необратимые изменения. Невозможно было оторвать глаз от растопыренных жёлтых петушиных лап, перепачканных навозом. Лапы нелепо торчали из корыта с водой.

– Зачем они налили в корыто красной воды? – не мог сообразить Вовка, – он ведь захлѐбнется вниз головой.

Но тут он увидел и голову. Голова лежала отдельно от петуха. Некогда алый гребень превратился в жѐлто-серый, клюв был широко раскрыт, но из него не доносилось уже ни звука, остекленевший жѐлтый глаз уныло и безжизненно смотрел на Вовку. Слѐзы потекли разом двумя маленькими тѐплыми струйками. Не отводя глаз от ужасающего зрелища, Вовка бездумно шептал:

– Он не виноват, это я... меня, это меня.

В груди что-то заходило, безудержно захотелось закричать, заорать, затопать ногами, дышать стало тяжело, стоять на месте не было сил. Не разбирая дороги, он побежал в сад. Ветки деревьев больно хлестали по лицу, но он не чувствовал боли, ноги сами несли его, пока дорогу не преградил покосившийся штакетник. Повиснув на заборе, Вовка заревел, сил сдерживать себя больше не было. Стемнело. Обессиленный и безразличный, он сидел, прислонившись спиной к шершавому штакетнику. Разглядывая перед собой землю, он повторял, как испорченная грампластинка:

– Это я, это меня надо...

Его нашла бабушка. Уткнувшись в бабушкин передник, он зарыдал с новой силой.

– Ну, ну, будет тебе, – успокаивала она его, нежно глядя по голове, – плохой он был, драчливый.

– Хороши-и-и-й, – снова завыл внук.

– Ну ладно, хороший, – согласилась бабушка, – а завтра дядя Миша нового петуха привезѐт, красивого, цветного.

– Не хочу нового, хочу старого, – не унимался Вовка.

Бабушка решила не перечить и дать ему выплакаться до конца.

– А баба Настя обещала котѐночка дать, – вдруг вспомнила бабушка.

– Пушистого? – спросил Вовка всхлипывая.

– Пушистого, красивого, – ухватилась за спасительную нить бабушка.

Они медленно пошли к дому.

– А как назовём? – продолжал допытывать внук.

– Как, как? Вот ты и думай, – предложила бабушка.

Некоторое время шли молча.

– Леопольд, – неожиданно сказал Вовка.

– Эка, мудрёно, – возразила бабушка, – в деревне чё-нибудь проще надо. Васька или Барсик. У меня ведь склероз, захочу кота позвать, а как звать забыла, что, тогда в город за тобой посылать?

Вовка улыбнулся. В тот вечер его не заставляли ни ужинать, ни мыть ноги, бабушка сразу уложила его в постель. Но спать не хотелось. Он слышал, что где-то в Москве людям пришивают ноги, руки, даже чужое сердце. А что если взять Петуха – на самолёт и в Москву. В душе затеплился огонёк надежды. Он начал фантазировать, представляя свой полёт в Москву. Но мысли стали расплывчатыми, переплетаясь с другими совсем ничёмными и ненужными сейчас воспоминаниями. Где-то далеко кукарекнул поздний петух.

– А наш поёт лучше, – подумал Вовка, засыпая.

Утром его сон уже никто не тревожил.